

ДИАНА ФУРСОВА

ДОКТОР-ПОПАДАНКА

СЛУЖАНКА В ДОМЕ
ЛЕДЯНОГО ДРАКОНА

Диана Фурсова

**Доктор-попаданка. Служанка
в доме Ледяного дракона**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Доктор-попаданка. Служанка в доме Ледяного дракона /
Д. Фурсова — «Литнет», 2026

Марина — хирург, привыкшая вытаскивать людей с того света, — приходит в себя в метели... в чужом мире. Здесь её принимают за шпионку и дают выбор без выбора: договор службы или тюрьма. Так она становится служанкой в поместье Ледяного дракона — хозяина, которому запрещён огонь, запрещены слабости и... запрещены чувства. Только Марина быстро понимает: дракон не просто “холодный”. Его ломает ледяная лихорадка — древний пакт крови, который питается страхом и одиночеством. А на её запястье после первой попытки спасти его появляется метка, превращающая её в ключ... к тайнам дома, к проклятию и к самому герцогу. Её пытаются отравить. Её подставляют. Дом шевелится ночами, а Совет мечтает забрать Север под контроль — вместе с драконом. И Марине предстоит выбор: вернуться домой или остаться там, где тепло — не в печи, а в чьих-то руках — может стоять жизни. Одна служанка. Один ледяной герцог. И слишком много желающих, чтобы они оба не дожили до рассвета.

© Фурсова Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. «Снег вместо операционной»	5
Глава 2. «Служанка, которая умеет спасать»	16
Глава 3. «Тайная комната и холодные стены»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1. «Снег вместо операционной»

Снег бил в лицо так, будто кто-то швырял пригоршни стеклянной соли. Марина попыталась вдохнуть — и вдохнула лед. Горло обожгло, в висках ударило, в голове поплыло, словно она всё ещё стояла над операционным столом, где свет ламп был белее смерти, а чьё-то сердце — упрямее её самой.

Только ламп не было. Было небо — свинцовое, низкое, разорванное метелью. И была тишина, которую рвал ветер. Марина лежала на боку, уткнувшись щекой в наст. Под пальцами — колючий снег, под коленями — сугробы, как бетон. Она дёрнулась, чтобы подняться, и тут же поняла: на ней не шуба, не пуховик, даже не куртка.

Халат.

Чёртов хирургический халат поверх футболки и тонких штанов. На ногах — бахилы... точнее, половина бахилы и один носок. Вторая нога — голая до щиколотки.

— Нормально, Марина. Просто идеально, — прохрипела она, и собственный голос показался чужим — обрубленным, сорванным.

Память хлопнула, как дверь: зелёные простыни, маска на лице пациента, мониторы... и резкий запах озона. Вспышка? Замыкание? Её рука, тянущаяся к дефибриллятору, и... темнота.

Марина привсталла на локтях, тут же пошатнулась, но удержалась. В метели мелькнуло что-то тёмное. Не дерево — слишком ровно. Не камень — движется.

Лошади.

Она увидела сначала белые, покрытые инеем морды, потом — людей в мехах. Они двигались широким полукругом, перекрывая ей путь к любой мысли о побеге.

— Стоять! — рявкнул кто-то справа. Голос был низкий, командный, и странно чёткий для такого ветра. — Руки... вверх!

Марина подняла руки, чтобы не спорить. Пальцы дрожали — то ли от холода, то ли от шока.

— Я... я не...

— Молчать, — перебил другой. — Смотри, в чём она. Ведьминское тряпье.

— Это... медицинская форма! — выпалила Марина и тут же поняла, насколько глупо это звучит в метели, среди людей с копьями.

Один из всадников спрыгнул. Высокий, в шапке с меховой оторочкой, лицо закрыто шарфом до глаз. Глаза, единственное видимое, были серые и холодные, как лёд на реке. Он подошёл к ней, не делая резких движений, но так, будто мог ударить в любой момент.

— Имя. — Голос. Сдержанный, но не мягкий.

— Марина... Коваль. Доктор. Врач.

— Доктор, — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Из столицы?

— Из... — Марина сглотнула. — Из... другого города.

Сероглазый наклонился, заметил на её руке синяк от катетера, на запястье — следы пластыря.

— Бежала? — спросил он тихо.

— Нет! Я... я потерялась. Я не знаю, где я.

— Знает она, — хмыкнул кто-то сзади. — На шее бы ей клеймо — и в тюрьму. Шпионка. Или ведьма.

— Я не ведьма! — Марина резко повернулась, и ветер тут же ударил в лицо, заставив закашляться.

Сероглазый схватил её за локоть — крепко, но не больно, и повернул к свету. К ледяному дневному свету, в котором любое движение казалось резче.

— Скажи, Марина Коваль, — медленно произнёс он, — если ты доктор... зачем тебе ножи?

Марина моргнула. Потом поняла: на поясе халата болтался зацепившийся карманный скальпель — одноразовый, который она машинально сунула в карман перед операцией.

— Это... инструмент. — Она попыталась улыбнуться, но губы не слушались. — Для... работы.

— Для резни, — бросил кто-то.

Сероглазый вытащил скальпель двумя пальцами, посмотрел, как на опасную игрушку, и вернул обратно — не ей, а в собственный карман.

— Она замерзает, — сказал он своим. — И в снегу не выживет. Возьмём. Разберёмся у герцога.

— У... кого? — Марина почти не расслышала.

— У герцога Айсвальда, — ответил сероглазый, и в голосе промелькнуло что-то, похожее на уважение... и страх. — В Северном поместье.

Марина хотела спросить, что это вообще за место, но слова замёрзли внутри. Её подхватили под руки, посадили на лошадь перед кем-то — пахло мехом, железом и чем-то пряным, вроде хвои.

— Дёрнешься — свалишься и сломаешь шею, — предупредил тот, кто сидел за её спиной. — И мне потом отвечать.

— Я не собираюсь... — Марина закашлялась снова.

— Зовут меня Торн, — добавил он неожиданно. — Запомни. А ты... не ори. Здесь орут только те, кто виноват.

— Удобно, — выдохнула Марина и тут же получила в ответ короткий смешок.

Лошади тронулись. Метель проглотила следы, и Марина поняла: если это сон, то он слишком холодный, чтобы быть обычным.

Дорога была бесконечной белой полосой. Ветер не утихал, он только менял направление, словно издевался. Марина прижималась к груди Торна, чтобы хоть как-то согреться, и ненавидела себя за это — но ещё сильнее ненавидела холод.

— Ты правда доктор? — спросил Торн, когда они наконец выехали в более защищённую ложину, где ветер не так рвал слова.

— Да.

— А у нас докторов мало. — Он помолчал. — Лекарь есть, но он... старый. И руки у него трясутся.

Марина попробовала повернуться, но Торн удержал её.

— Сиди ровно.

— Если у вас мало врачей... зачем вы мне угрожали тюрьмой?

— Потому что ты в метели. В метели люди не появляются просто так. — Он говорил спокойно, как о погоде. — Либо тебя бросили, либо ты бежала, либо тебя выкинуло магией.

Слово «магией» прозвучало так буднично, что Марина не сразу зацепилась.

— Чем?..

— Магией. — Торн фыркнул. — Ты что, из южных? Там, говорят, слабо верят.

— Я из... — Марина запнулась. Из России? Из мира, где магия была только в книжках? Сказать — и получить клеймо «сумасшедшая»? — ...издалека.

— Вижу, — мрачно сказал Торн. — И язык у тебя странный. Но не совсем чужой.

Марина замолчала. Она ощутила, как под кожей, где обычно бьётся кровь, холод начинает быть не внешним, а внутренним. Гипотермия. Первые стадии. Дрожь уже была. Следующее — апатия, сонливость. Смерть под снегом — тихая и глупая.

— Торн... — Она старалась говорить ровно. — У вас есть... тёплое место? Комната? Одеяло?

— Есть. Если герцог разрешит. — Торн произнёс это так, будто герцог решал, кому дышать.

— А если не разрешит?

— Тогда... — Торн замялся. — Тогда ты будешь в камере для задержанных. Там тепло, но... решётки.

Марина хрипло рассмеялась.

— Супер.

— Не умничай, Марина. У нас за меньшее язык вырывают.

Она резко повернула голову.

— Что?

Торн посмотрел на неё сверху вниз, и Марина увидела в его глазах не угрозу — предупреждение.

— Север. Здесь не любят чужих. Особенно когда у герцога и так... проблемы.

— Какие проблемы?

Торн промолчал слишком долго.

— Ледяная лихорадка, — сказал он наконец. — Не твоего ума дело. Но если ты правда доктор... может, и твоего.

Марина хотела спросить дальше, но впереди в метели выросли тёмные, угловатые контуры: стены, башни, ворота. Поместье. Оно казалось вырезанным из камня и льда — как будто кто-то строил дом не для жизни, а для выживания.

Ворота распахнулись без скрипа — слишком гладко. Во дворе горели фонари... и это было странно: пламя не плясало, а стояло ровным светом, как стекло.

— Огонь? — прошептала Марина.

— Не огонь, — буркнул Торн. — Кристаллы. Смотри и не трогай.

Лошади вошли во двор. Марину сняли с седла, поставили на ноги. Колени подогнулись, но она удержалась. В груди теснилось: «Не падать. Не показывать слабость. Если они действительно такие...»

К ним вышли двое: мужчина в тёмном сюртуке, сухой, как пергамент, и женщина — крупная, в строгом платье, с белой прядью в волосах, будто инеем посыпало. Она смотрела на Марину так, будто оценивала, сколько хлопот принесёт новая тряпка в доме.

— Капитан Торн, — произнёс мужчина. Голос был мягкий, но в нём было железо. — Что это?

— Найденная в метели. Без документов. Странная речь. Нож при себе.

— Доктор, — быстро сказала Марина. — Врач.

Женщина прищурилась.

— Врач в халате посреди метели. Конечно.

— Госпожа Агата, — вмешался Торн, — она правда замерзала. И... может быть полезна.

— Полезна? — Агата произнесла это слово так, будто оно могло испачкать язык. — Здесь полезны те, кто умеет молчать и работать. А не те, кто подкинут магией.

Мужчина поднял руку, останавливая её.

— Я — Грейм. Мажордом поместья. — Он смотрел прямо, спокойно. — Вы будете отвечать на вопросы. Без истерик.

— Я не истеричка, — сорвалось у Марины.

Агата хмыкнула.

— Вот как.

Грейм не улыбнулся.

— Пройдёмте внутрь. И... — он кивнул Торну, — хорошая работа.

Марина шагнула к дверям, и холод внутри внезапно отступил на шаг: из дома шёл иной воздух — не тёплый, нет, но сухой, не режущий. Однако порог был как граница. За ней — другой порядок, другой закон.

— Разуйтесь, — резко сказала Агата, едва Марина переступила. — Мы не таскаем снег по дому.

— У меня... — Марина посмотрела на свои ноги. Носок, бахила. — Мне нечего...

— Значит, пойдёте босиком. — Агата не моргнула. — На Север пришли — Север и терпите.

Марина сжала зубы. Внутри поднялось привычное — то самое, что вылезало в приёмном покое, когда родственники орали, требуя чудо.

— Я могу терпеть, — сказала она тихо. — Но если вы хотите, чтобы я не умерла, мне нужна одежда.

Грейм взглянул на Агату.

— Дайте ей старый комплект. И отведите на кухню. Пусть ест. После — в прачечную.

Очищение.

— Очищение? — Марина напряглась.

— От грязи, — сухо пояснил Грейм. — И от возможной заразы.

Марина чуть не улыбнулась. Хоть что-то знакомое.

— Согласна.

— Слишком быстро согласна, — пробормотала Агата, но жестом подозвала молодую служанку.

— Лин, веди её. И следи, чтобы не шастала. Если что — кричи.

Служанка — худенькая, с красным носом — посмотрела на Марину с любопытством и тревогой.

— Пойдёмте, — шепнула она. — Я... я Лин.

Марина кивнула.

— Марина.

— Марина... — Лин повторила, словно смакуя непривычные звуки. — Вы правда доктор?

— Да.

— Тогда... — Лин запнулась и оглянулась, будто боялась, что стены слушают. — Тогда, может, вы...

— Что?

— Ничего. — Лин резко встряхнулась. — Пойдёмте, пока госпожа Агата не передумала.

Кухня была огромной — и странно тихой. Не было привычного тепла печей, не было запаха огня. Свет давали те же кристаллы — в нишах, на цепях, в стеклянных колбах. От них шёл мягкий, холодный блеск, как от лунного света. Люди двигались быстро, но осторожно, будто боялись лишнего звука.

— Огонь... нельзя? — спросила Марина, пока Лин снимала с полки шерстяной плащ, явно «старый комплект», пахнувший лавандой и чужим телом.

Лин вздрогнула.

— Тише. Огонь... — она наклонилась ближе. — Огонь здесь запрещён в открытом виде. Герцог... не любит.

— Не любит огонь?

— Он... — Лин замялась, и глаза её метнулись к двери. — Он ледяной дракон. Понимаете? У него... холод. Огонь может... спровоцировать.

Марина вцепилась в плащ. Ледяной дракон. Она поймала себя на мысли: «Сейчас я проснусь». Но пальцы чувствовали шерсть. Нос чувствовал запах. Ухо ловило скрип ножа по разделочной доске.

— Лин, — Марина сказала так, как говорила медсёстрам в реанимации, — мне нужен чай. Горячий. И еда.

Лин округлила глаза.

— Горячий... — прошептала она, словно это было слово из запретной книги. — Я... у нас есть тёплые настои. На камнях.

— На камнях?

— Камни нагревают в закрытых печах. Там огонь — внутри. Не видно. Понимаете?

Марина кивнула. Закрытые системы. Безопасность. Логично, если здесь магия реагирует на пламя.

Она накинула плащ. Тело сразу стало чуть живее.

У длинного стола стоял повар — мужчина с огромными руками и лицом, как у усталого медведя. Он нарезал корнеплоды, двигаясь размеренно.

— Это кто? — буркнул он, не поднимая глаз.

— Новая. — Лин сглотнула. — Из метели. Госпожа Агата велела...

Повар наконец посмотрел на Марину. Взгляд — как сканер.

— Худая. — Он хмыкнул. — И глаза умные. Опасное сочетание.

— Спасибо, — сухо сказала Марина.

— Не за что. — Повар кивнул на лавку. — Сядь. Сейчас налью.

Марина села. Пальцы дрожали меньше, но внутри всё ещё было тяжело, как после ночного дежурства.

Лин принесла чашку. Пар поднимался — слабый, но настоящий. Марина обхватила её ладонями и вдохнула травяной запах. Тёплое. Живое.

— Какой сегодня день? — спросила она, делая глоток.

— День... — Лин растерялась. — Десятый день месяца Белых Ветров.

— Год? — Марина попыталась удержать лицо.

Лин моргнула.

— Тысяча... — она быстро шепнула число, но Марина поняла лишь одно: это не календарь её мира.

Повар поставил перед ней миску густого супа и ломоть хлеба.

— Ешь. А то свалишься — и нам потом возиться.

— Я не свалюсь, — автоматически сказала Марина и тут же вспомнила, сколько раз говорила это в жизни — и как часто падала потом на диван лицом вниз.

Она начала есть — быстро, аккуратно. Глоток за глотком, ложка за ложкой. Жизнь возвращалась. Вместе с ней возвращались вопросы.

— Лин, — тихо сказала Марина, — что значит “взяли у герцога”?

Лин побледнела.

— Значит... вас решит герцог. Оставить. Выслать. Или...

— Или?

— В тюрьму. — Лин почти не слышно выдохнула. — Если вы шпионка.

— Я не шпионка.

— Это вы так говорите. — Лин нервно улыбнулась. — Все так говорят.

Марина отложила ложку.

— Кто сейчас... главный, кроме герцога?

— Госпожа Агата. И мажордом Грейм. Ещё... — Лин запнулась. — Лекарь Вейрен. Но он... не любит, когда кто-то умничает.

— Лекарь, — повторила Марина. Конкурент. Конечно. — Понятно.

Повар хмыкнул, будто слышал каждое слово.

— Если ты правда доктор, — сказал он, не отрываясь от доски, — держи язык за зубами. Здесь слова стоят дороже золота.

— Я это умею, — сказала Марина.

Повар посмотрел на неё и неожиданно кивнул.

— Тогда, может, выживешь.

Прачечная оказалась не просто комнатой с тазами. Это был маленький подвал с каменными стенами, где воздух пах мылом и сыростью. Женщины стирали молча, руки у них двигались почти механически. В одном углу стояли закрытые печи — именно такие, о которых говорила Лин: внутри тлело тепло, но наружу не вырывалось ни искры.

Агата пришла сама. Она остановилась у двери, будто проверяла, как Марина выдержит её взгляд.

— Раздеться. — Коротко.

— Здесь? — Марина оглянулась. Женщины подняли головы.

— Здесь. Мы не позволяем грязи и чужим чарам проникать дальше.

— У меня нет чар, — сказала Марина ровно.

— А у меня нет терпения. — Агата шагнула ближе. — Раздеться.

Марина медленно сняла плащ, потом халат. Холод в подвале не был таким зверским, как на улице, но кожа всё равно вздрогнула. Женщины смотрели. Без злости — скорее с любопытством.

— У вас... странные рубцы, — заметила одна, кивая на запястье Марины, где была тонкая линия от старого ожога.

— Работа, — ответила Марина.

Агата подошла ближе, взяла её руку, повернула ладонь.

— Руки крепкие. Не барышня.

— Я хирург, — сказала Марина. — Руки должны быть крепкими.

Агата отпустила.

— Хирург. — Она произнесла это как “плотник”. — В нашем доме ты будешь служанкой. Запомни.

— Если вы хотите, чтобы я была служанкой, — Марина подняла подбородок, — мне нужны правила. Где я сплю, что я делаю, к кому обращаюсь, и что будет, если я нарушу.

Женщины замерли. Лин, стоявшая у стены, округлила глаза — словно Марина только что плюнула на герцогский герб.

Агата медленно улыбнулась. Не тепло — опасно.

— Ты дерзкая.

— Я практичная.

— Практичная дерзость часто заканчивается могилой, — спокойно сказала Агата. — Но... — она оглядела Марину, будто решала, стоит ли тратить на неё время, — правила такие: ночью по коридорам не ходить. В запретные двери не заглядывать. Огня не зажигать. Кристаллы не трогать. Приказы герцога выполнять сразу. Слова герцога не обсуждать. Слухи не распространять.

— А если мне нужно... — Марина поискала слово. — ...лечить?

Агата прищурилась.

— Тебя никто не просил лечить.

— Тогда вы зря меня сюда привезли, — бросила Марина, сама удивившись своей смелости.

В подвале стало так тихо, что слышно было, как капает вода.

Агата шагнула ближе, лицо её оказалось совсем рядом.

— Ты думаешь, тебя привезли сюда, чтобы ты была важной? — прошептала она. — Нет. Тебя привезли сюда, потому что ты была на дороге. И потому что капитан Торн решил, что ты можешь быть полезна. Это не право. Это шанс. Один.

Марина встретила её взгляд.

— Я умею быть полезной.
Агата медленно отстранилась.
— Посмотрим.
Она хлопнула в ладони.
— Одевайте её. И ведите к Грейму. Пусть подпишет договор. Пока герцог не велел иначе.
Марина напряглась.
— Договор?
— Службы. — Агата уже шла к двери. — Чтобы, если ты сбежишь, тебя нашли. И чтобы, если ты умрёшь, никто не спрашивал.
Дверь закрылась. Марина выдохнула.
Лин подскочила к ней, сунула в руки грубую рубаху и юбку.
— Не злите её, — прошептала она. — Госпожа Агата... она... она держит дом. Если дом рухнет, мы все...
— Почему он может рухнуть? — Марина застыла с рубахой в руках.
Лин побледнела.
— Потому что герцог...
— Лин.
Лин зажмурилась.
— Потому что он болен. Ледяной лихорадкой. И... когда ему плохо... дом тоже...
Марина надела рубаху, затянула пояс.
— Тогда мне точно нужно лечить.
Лин посмотрела на неё так, будто Марина сказала: «Я пойду голыми руками остановлю лавину».
— Вы... вы сумасшедшая.
— Я доктор, — сказала Марина. — Иногда это одно и то же.
Мажордом Грейм ждал её в маленькой комнате у главного холла. На столе — перо, чернила, листы плотной бумаги с печатью, на которой был выбит знак: крыло, покрытое льдом.
— Садитесь, — сказал он.
Марина села. Стул был твёрдый, холодный.
— Вы понимаете, где вы? — спросил Грейм без лишних эмоций.
— В вашем поместье. На Севере. — Марина старалась звучать уверенно. — И я... не понимаю, как я сюда попала.
— Это, — Грейм слегка наклонил голову, — может быть очень важно. Или неважно. Зависит от того, кто вы.
— Я врач.
— Врач, — повторил он. — И всё же у вас нет документов, нет вещей, нет денег, нет связей. Только странная одежда и нож.
— Скальпель, — автоматически поправила Марина.
— Ваша поправка принята. — Грейм взял лист. — Это договор службы на три месяца. Вы будете выполнять работу, которую назначит госпожа Агата. За это вы получаете кров, еду и одежду. По истечении срока — либо уходите, либо продлеваете.
— А если я откажусь?
Грейм посмотрел на неё спокойно.
— Тогда капитан Торн вернёт вас на дорогу. А там... — он сделал паузу, — сегодня метель. И волки.
Марина сжала зубы.
— Хорошо. Но я хочу пункт: если потребуется медицинская помощь, я имею право...
— Нет, — перебил Грейм.
Марина подняла взгляд.

— Почему?

— Потому что в доме есть лекарь. — Грейм произнёс это так, словно речь о должности, а не о человеке. — И потому что герцог не любит, когда чужие вмешиваются.

— Тогда я просто служанка, — сказала Марина. — Но если кто-то будет умирать, я не буду стоять и смотреть.

Грейм чуть заметно изменил выражение лица. Взгляд стал внимательнее.

— Умирать здесь могут быстро, — сказал он. — И иногда лучше смотреть и молчать.

— Это не мой стиль, — Марина взяла перо.

Грейм поставил перед ней чернила.

— Подпишите.

Марина подписала. Почерк дрожал от холода и усталости, но буквы вышли ровные — привычка. Она поставила подпись и вдруг ощутила странное: в момент, когда перо оторвалось от бумаги, по комнате прошёл лёгкий морозный шорох, будто кто-то вздохнул.

— Что это было? — тихо спросила она.

Грейм посмотрел на печать.

— Ничего.

— Вы лжёте.

Грейм не моргнул.

— Привыкайте, Марина Коваль. Здесь правда — не валюта. Здесь правда — оружие.

Он сложил листы, убрал.

— Теперь вы служанка. И... — он чуть наклонился вперёд, голос стал ниже, — не попадитесь герцогу на глаза без надобности. Ему сейчас... не до новых лиц.

— Он действительно болен? — спросила Марина.

Грейм поднял взгляд — и в этом взгляде было что-то, что Марины не нравилось. Она слишком часто видела такой взгляд у врачей, когда диагноз уже понятен, но говорить его нельзя.

— Он герцог Айсвальд, — сказал Грейм. — Ледяной дракон. Он не болеет. Он... справляется.

— Это всё равно болезнь, — упрямо сказала Марина.

— Возможно. — Грейм встал. — Лин проводит вас в вашу комнату. Потом — на кухню. Потом — к Агате. И запомните: ночью не выходить.

— Почему ночью нельзя выходить? — спросила Марина, хотя уже знала: в таких местах запреты всегда имеют причину.

Грейм задержался у двери.

— Потому что ночью по дому ходит холод. — Он произнёс это так буднично, будто говорил о кошке. — И иногда он ищет, к кому бы прицепиться.

Марина почувствовала, как по спине пробежал ледяной мураш.

— Это... метафора? — спросила она.

Грейм посмотрел на неё и впервые за весь разговор чуть-чуть улыбнулся — без радости.

— Хотелось бы.

Комната служанки оказалась узкой, но чистой. Кровать, стол, таз, маленькое окно, затянутое льдом по краям. Лин быстро принесла ещё одно одеяло и пару шерстяных носков.

— Вот, — сказала она. — Наденьте. И... — Лин понизила голос, — если услышите... скрежет в стенах ночью — не отвечайте. И не выходите.

— Что за скрежет? — Марина натянула носки.

— Лёд. — Лин сглотнула. — Лёд разговаривает. Иногда.

Марина устало потерла лицо.

— Лин... это звучит как бред.

— Вы привыкнете, — с неожиданной уверенностью сказала Лин. — Все привыкают. Или... не успевают.

Марина подняла на неё взгляд.

— Сколько людей... “не успевают”?

Лин отвела глаза.

— Не спрашивайте. — Потом резко добавила: — Госпожа Агата зовёт вас. В холле. Сейчас.

Марина встала. Сил было мало, но их хватало на одно — на упрямство.

Холл встретил её величием и холодом. Высокие потолки, каменные колонны, ковры тёмные, как ночь. По стенам — гобелены с изображением дракона, чьи крылья были вытканы серебряной нитью. И снова — кристаллы в нишах, свет которых был слишком ровным.

Агата стояла у лестницы. Рядом — высокий мужчина в тёмной мантии, худой, с острым подбородком и глазами, как у уставшей вороны.

— Это она? — спросил мужчина, глядя на Марину с явным презрением.

— Она, — сказала Агата. — Лекарь Вейрен. Это новая служанка.

— Служанка в медицинском халате, — Вейрен усмехнулся. — Север сходит с ума.

Марина сдержалась.

— Я уже переоделась.

— И всё равно пахнет чужим. — Вейрен шагнул ближе, и Марина уловила запах трав и чего-то металлического. — Скажи, служанка... где ты училась лечить? В цирке?

— В операционной, — автоматически ответила Марина.

— В какой ещё... — Вейрен прищурился. — Ладно. Неважно. Тебя сюда привели работать. Работай. И не вздумай лезть в то, что тебе не поручали.

— Если человек падает и перестаёт дышать, — Марина сказала ровно, — это поручение или нет?

Вейрен замер на секунду. Потом холодно улыбнулся.

— В нашем доме люди не “падают”. В нашем доме люди либо держатся, либо... — он не договорил.

Агата резко повернула голову к лестнице. Марина тоже. По ступеням сверху шёл кто-то. Шаги были неспешные, ровные — как отсчёт времени перед неизбежным.

Марина увидела сначала сапоги — чёрные, идеально чистые. Потом — длинный тёмный плащ, на котором лежал тонкий слой инея, будто он не таял. Потом — руку в перчатке, которая держала трость не по нужде, а как знак.

И наконец — лицо.

Мужчина был красив той холодной красотой, от которой хочется отступить. Высокие скулы, тёмные волосы, собранные назад, и глаза... глаза были не просто синие — они были ледяные, почти прозрачные, как лёд над глубиной. И в этих глазах не было ни тепла, ни интереса. Только контроль.

— Герцог, — прошептала Лин где-то рядом, и Марина почувствовала, как холл на мгновение стал тише.

Герцог Айсвальд остановился на середине лестницы, оглядел присутствующих. Его взгляд скользнул по Агате, по Вейрену... и задержался на Марине. Взгляд был как нож — короткий, точный.

— Это кто? — спросил он.

Голос был низкий и спокойный. И в нём было то, что Марина сразу узнала: власть, за которой скрывается усталость.

— Новая служанка, милорд, — быстро сказала Агата. — Найдена в метели. Подписала договор.

— В метели, — повторил герцог. — И вы решили привести её в мой дом.

— Она могла умереть, милорд, — вмешался Торн, появившийся у дверей. Он стоял прямо, но Марина заметила, как напряжены его плечи. — Я взял на себя...

— Ты взял на себя слишком много, капитан, — перебил герцог. — Но это уже сделано.

Он снова посмотрел на Марину. Теперь взгляд стал внимательнее, словно он видел не одежду, а что-то под ней.

— Имя.

— Марина Коваль.

— Марина, — герцог произнёс её имя так, будто проверял, как оно звучит на языке Севера. — Ты умеешь молчать?

— Я умею работать, — ответила Марина, и в этот момент поняла, что сказала это герцогу так же, как говорила главврачу: спокойно, без подлизывания.

В холле кто-то тихо вдохнул — слишком громко.

Герцог не изменился в лице.

— Работать умеют многие. Молчать — единицы. — Он сделал шаг вниз, и с этим шагом воздух в холле словно стал плотнее, холоднее. — Агата. В прачечную её не надо. Уже поздно. Пусть будет на кухне. И...

— Милорд, — резко сказал Вейрен, — это опасно. Чужая. Без проверки. Если она...

Герцог поднял руку, и Вейрен замолчал, будто ему перекрыли воздух.

— Если она окажется угрозой, — спокойно сказал герцог, — я узнаю. Раньше, чем ты успеешь испугаться. Понял?

Вейрен побледнел.

— Да, милорд.

Герцог снова взглянул на Марину.

— Служанка, — произнёс он, и слово прозвучало как приговор. — Запомни: в моём доме ты не герой. Ты — функция. Ты выполняешь. Не споришь. Не лезешь. Не задаёшь вопросов. И не смотришь туда, куда тебе не велено.

Марина почувствовала, как в груди поднимается что-то горячее — злость, упрямство, желание ответить. Но она заставила себя вдохнуть.

— Поняла, — сказала она.

— Хорошо. — Герцог сделал ещё шаг. Трость стукнула о камень — коротко. — Торн, завтра отчёт. Агата, вечером — список расходов. Вейрен...

Он не договорил.

Сначала Марина подумала, что это сквозняк. Потом — что кристаллы мигнули. Но нет: это герцог на мгновение... моргнул чуть медленнее, чем обычно. Плечи его напряглись. Пальцы на трости сжались.

— Милорд? — осторожно спросила Агата.

Герцог выпрямился, будто заставил себя.

— Всё... — начал он.

И тут воздух ударил холодом так, что у Марины свело зубы. По каменному полу побежали тонкие белые линии — иней, как живая сеть. Кристаллы в нишах вспыхнули ярче, но свет стал голубым, почти болезненным.

Герцог сделал шаг — и пошатнулся.

— Милорд! — Торн рванулся вперёд.

— Не подходить! — рявкнул герцог, но голос сорвался.

Марина увидела его лицо ближе: кожа побледнела, на висках выступили капли — не пота, а будто мелкого инея. Вены на шее проступили синевой. Глаза... глаза стали почти прозрачными.

— Ледяная лихорадка, — выдохнула Лин, и в её голосе было отчаяние.

Вейрен метнулся, но замер на месте, словно боялся пересечь невидимую линию.

— Он сейчас... — прошептал он. — Сейчас нельзя...

Герцог снова пошатнулся. Трость ударилась о пол и отскочила. Он попытался удержаться за перила, но пальцы не слушались — они дрожали, словно он терял контроль над собственным телом.

Марина сделала шаг вперёд.

— Стой! — Вейрен схватил её за рукав. — Ты не понимаешь! Он... он может...

— Он сейчас упадёт и убьётся, — резко сказала Марина, вырывая рукав. — И мне плевать, кто он. Он человек в приступе.

— Он не...

Герцог рухнул на колено. Иней на полу вспыхнул, как сеть молний. Воздух стал таким холодным, что Марина почувствовала: если сейчас не действовать, она сама замёрзнет прямо стоя.

Она бросилась к нему.

— Марина! — крикнул Торн.

— Не трогай его! — завопила Агата.

Но Марина уже была рядом. Она опустилась на колени, схватила герцога за плечи — и тут же почувствовала, как холод попытался вцепиться ей в кожу, как зубами. Она стиснула зубы, заставляя пальцы держать.

— Слышишь меня? — быстро спросила она, наклоняясь к его лицу. — Смотри на меня. Дыши. Медленно. Считай.

Герцог поднял на неё взгляд. В этом взгляде на секунду мелькнуло нечто дикое — страх, ярость, боль... и что-то ещё, древнее, чем человек.

— Уйди... — прохрипел он. — Ты... замёрзнешь...

— Я не уйду. — Марина сжала его плечо крепче. — Дыши. Давай. Раз. Два.

В этот момент холод ударил сильнее. Марина ощутила, как по её запястью — там, где кожа была тонкой — пробежало острое жжение, словно её клеймили льдом.

Герцог резко вдохнул — и воздух вокруг них взвыл, как живой.

Марина успела только подумать: «Это не простуда...»

...и иней взметнулся вверх, закрывая им обоим обзор, как белая стена.

Глава 2. «Служанка, которая умеет спасать»

Белая стена инея поднялась мгновенно — как занавес, сорванный чьей-то невидимой рукой. Марину обожгло холодом по ресницам, по губам, по пальцам, которые всё ещё держали герцога за плечи. Воздух завыл, и в этом вое было не просто ветро — было что-то живое, злое, голодное.

— Назад! — крикнула Агата так, будто могла перекрыть магию. — Все — назад!

— Он упадёт! — рывкнул Торн, но, вопреки своим же словам, не сделал ни шага к Айсвальду, словно боялся пересечь невидимую границу.

Марина моргнула, пытаясь стряхнуть ледяную пыль с ресниц, и стиснула зубы.

— Он уже упал, — бросила она. — А теперь он замерзает. Вы хотите, чтобы он умер у вас на глазах?

— Он не умирает! — взвизгнул Вейрен, и в его голосе было больше паники, чем злости. — Он... он... Не смей прикасаться!

— Уже прикасаюсь, — сухо сказала Марина. — И пока он дышит — я буду.

Белая пелена дрогнула, как кожа. Иней по полу метнулся вверх, тонкими иглами упёрся в подол юбки Марины. В следующий миг она почувствовала, как ткань будто схватывает — ледяной коркой.

— Чёрт... — прошептала она и резко подалась вперёд, прижимаясь к герцогу почти всем корпусом, закрывая его от этих игл своим телом.

— Ты сумасшедшая! — выдохнула Лин где-то за спиной, и этот шёпот прозвучал так, словно она молилась.

Айсвальд с трудом поднял голову. Глаза были почти бесцветные, как лёд над глубокой водой. Он смотрел на Марину так, будто пытался вспомнить, кто она — и почему не отступает.

— Уй... ди... — сорвалось у него, голос был хриплый, словно он выдыхал крошку льда.

— Не уйду, — ответила Марина коротко и наклонилась ближе. — Слышите? Дышите со мной. Раз... два... три...

— Ты... — он попытался поднять руку, но пальцы не слушались.

— Торн! — Марина резко подняла взгляд, не отпуская герцога. — Мне нужно тепло. Не огонь, не пламя — тепло. Камни. Те, что вы греете в закрытых печах. И одеяла. И горячий настой — тёплый, насколько можно. Быстро.

Торн моргнул, словно не сразу понял, что служанка отдаёт приказы.

— Сейчас! — рывкнул он на своих, и этот рык наконец сорвал оцепенение. — В кухню! Живо!

— Агата! — Марина повернула голову. — Дайте чистую ткань. Не ту, которой вы пол моете. Чистую.

— Ты смеешь... — Агата сделала шаг, лицо налилось яростью, но тут же остановилась, увидев, как Айсвальд дернулся, и вокруг него иней вспыхнул снова.

Грейм появился рядом почти бесшумно — как тень.

— Госпожа Агата, — сказал он мягко, но это «мягко» было сталью, — выполняйте. Агата стиснула губы.

— Лин. В кладовую. Простыни. Новые.

— Н-новые? — Лин побледнела.

— Новые! — отрезала Агата.

Вейрен шагнул ближе, вытянув руки, будто собирался вытащить Марину за шиворот.

— Отойди. Ты не понимаешь, с чем играешь. Это не приступ. Это...

— Это приступ, — перебила Марина, глядя на него снизу вверх, — и мне всё равно, как вы его называете. Он теряет контроль над телом, у него холодный пот... точнее, иней на коже, дыхание поверхностное. Он может уйти в остановку. Вы стоите и спорите. Вы лечите языком?

Вейрен дернулся, будто её слова ударили по щеке.

— Я лечу магией!

— Тогда где ваша магия сейчас?

Вейрен открыл рот — и закрыл. Потому что белая стена снова взвыла, и рядом с его сапогом по полу побежала трещина иней, словно предупреждение.

Марина посмотрела на герцога, снова сосредоточилась.

— Слушайте меня, Айсвальд. Вам нужно держаться за голос. Вы меня слышите?

— Слы... шу... — его губы дрогнули. — Не... трогай...

— Я вас держу, чтобы вы не убились, — сказала Марина ровно. — Если хотите ругаться — ругайтесь позже. Сейчас — вдох. Медленно.

Герцог резко вдохнул, будто через силу, и воздух вокруг на секунду стал чуть тише. Белая пелена дрогнула, как будто прислушалась.

— Вот так, — шепнула Марина. — Ещё.

Торн вернулся, таща за собой двоих слуг. В руках у них были мешочки с нагретыми камнями и толстые шерстяные покрывала. Вейрен сделал движение — перехватить, запретить — но Грейм шагнул ему наперерез.

— Вейрен, — сказал мажордом так тихо, что слышали только они, — если вы помешаете и герцог умрёт... кто будет отвечать?

Вейрен побледнел ещё сильнее.

— Я... я не мешаю. Я... наблюдаю.

— Отлично, — бросила Марина. — Тогда наблюдайте и учитесь.

Она взяла один мешочек с камнями — через ткань тепло было слабое, но настоящее.

— Под спину. Осторожно. Не на кожу. Через слой. — Марина сунула покрывало под плечи герцога, стараясь не трясти его. — Ещё один — к ступням. И второй — к грудной клетке, но не давите.

— Ты командуешь моими людьми, — прохрипел Айсвальд, и в этом было странно: даже на грани он умудрялся звучать как хозяин.

— Я команду выживанием, — ответила Марина. — Потерпите.

— Не... смей... — он попытался подняться.

— Лежать, — сказала Марина так, как говорила пациентам, которые пытались сорвать капельницу. — Торн, держите его трость, чтобы никто не споткнулся. Агата, мне нужна комната без сквозняков. Сейчас.

— Его покои, — отрезала Агата. — Там...

— Нет, — резко сказал герцог, и от этого «нет» холод снова дернулся, будто зверь. — Не... туда.

Марина почувствовала, как у неё стягивает запястье ледяной нитью — там, где она держала его плечо.

— Хорошо, не туда, — быстро согласилась она. — Где ближайшее тёплое место?

— Кабинет, — сказал Грейм. — Там кристаллы сильнее. И двери плотные.

— Несём, — сказала Марина. — Осторожно. Не трясите. Он сейчас как стекло: чуть ударите — и всё.

— Ты слишком много знаешь о стекле, — прошипел Вейрен.

— Я слишком много видела, как люди ломаются, — ответила Марина, и голос её вдруг стал тише. — Давайте не будем делать герцога очередным.

Кабинет Айсвальда был не похож на жилую комнату: камень, тёмное дерево, полки с книгами, и на столе — карта Севера, приколотая ножами, будто это была кожа врага. Свет кристаллов здесь был ярче, но не резал глаза — скорее напоминал холодную рассветную ясность.

Марина помогла уложить герцога на узкую кушетку у стены.

— Одеяло сверху. Сухое. — Она обернулась. — И закройте дверь. Все. Мне нужен воздух без сквозняка.

— Ты не имеешь права выгонять нас, — сказала Агата, шагнув внутрь.

— Имею, если вы мешаете, — отрезала Марина. — Останутся Торн и Грейм. И... — она взглянула на Вейрена, — вы, если сможете молчать.

Вейрен скривился.

— Я лекарь. Это мои обязанности.

— Тогда выполняйте обязанности, — сказала Марина. — Принесите чистую воду. Кипячёную. И чистую ткань. И... если есть — спирт. Любой.

— Что такое «спирт»? — резко спросила Агата.

Марина на секунду зависла, потом махнула рукой.

— Крепкая настойка. Горькая. Для обработки. Есть?

Грейм поднял бровь.

— В погребе есть «Белая слеза». Крепкая.

— Отлично. Несите. — Марина повернулась к Торну. — И мне нужно, чтобы кто-то следил за его дыханием, пока я готовлюсь.

— Я, — коротко сказал Торн и сел у кушетки, будто это была караульная точка.

Айсвальд лежал неподвижно, только грудь едва поднималась. Иней на его висках был тонким, как пыль. Марина коснулась его шеи, пытаясь найти пульс. Пульс был. Медленный. Рваный.

— Плохо, — тихо сказала она себе.

— Плохо? — Торн поднял взгляд, и в его глазах впервые мелькнул настоящий страх. — Он... умрёт?

Марина посмотрела на герцога и заставила себя говорить ровно.

— Я не люблю слово «умрёт». Я люблю «мы не дадим». Но если вы будете паниковать — будет хуже.

— Я не паникую, — выдавил Торн. Голос дрогнул.

Марина потянула одеяло повыше, чтобы закрыть грудь герцога.

— Он реагирует на огонь? — спросила она.

— На открытый — да, — ответил Торн. — Его... выворачивает. Бывает хуже.

— А на тепло без огня?

— Иногда... помогает. Иногда... нет.

Марина наклонилась к лицу Айсвальда.

— Айсвальд, — сказала она тихо. — Слышите меня? Я хочу дать вам тёплое. Без огня. Вы позволите?

Герцог чуть приоткрыл глаза. Взгляд был мутный, но цепкий.

— Не... смей... приказывать...

— Я не приказываю. Я прошу. — Марина выдержала паузу. — Вы можете отказаться. Но тогда вы останетесь в этом холоде один.

Он вдохнул. Резко. Иней на его ресницах дрогнул.

— Делай, — выдохнул он так тихо, что это почти было не слово.

Марина почувствовала странный укол — будто это «делай» было и приказом, и разрешением одновременно.

— Хорошо. — Она выпрямилась. — Торн, держите его за плечи, если начнёт дёргаться. Но не силой, а мягко. Как будто вы держите ребёнка, который боится.

— Герцог — не ребёнок, — хрипло сказал Торн.

— Сейчас — да, — сказала Марина. — Сейчас он организм в кризисе. В кризисе все одинаковы.

Вейрен вернулся, бросив на стол свёрток ткани и кувшин.

— Вот вода. Вот ткань. — Он говорил резко. — Но если ты навредишь...

— Я наврежу, если вы принесёте грязь, — сказала Марина, разворачивая ткань. — Это чистое?

— Конечно.

Марина прищурилась.

— Чем стирали?

— Мылом.

— Где сушили?

— На верёвке.

— В каком помещении? — Марина подняла взгляд.

Вейрен раздражённо махнул рукой.

— В прачечной!

— А там сырость, — заметила Марина. — Грибок. Плесень. Пыль. Мне нужно, чтобы вы не просто стирали, а сушили в сухом, закрытом месте. И... — она резко оторвала кусок ткани, — мне нужен один кусок сейчас. Остальное — уберите. Не трогайте руками.

Вейрен выдохнул, как бык перед ударом.

— Ты меня учишь?

— Я учу спасать герцога, — сказала Марина. — Если вам важнее самолюбие — уходите.

Грейм тихо поставил на стол бутылку с прозрачной жидкостью.

— «Белая слеза», — сказал он.

Марина открутила пробку, вдохнула запах — крепко, резко.

— То, что надо. — Она смочила ткань и быстро протёрла свои пальцы. — И ваши, Торн. Дайте руку.

— Зачем?

— Чтобы вы не занесли ему заразу, когда будете держать. Дайте.

Торн молча протянул руку. Марина протёрла её так, будто это была рука ассистента в операционной.

— У вас... странные привычки, — пробормотал Торн.

— Это не привычки. Это дисциплина, — ответила Марина и наклонилась к герцогу. — Сейчас я согрею вам конечности. Не резко. Резко — нельзя.

— Почему? — резко спросил Вейрен.

Марина не оторвалась от работы.

— Потому что если резко согреть периферию, кровь пойдёт в кожу, давление может упасть, сердце сорвётся. — Она подняла взгляд. — У вас тут что, сердце не работает?

Вейрен замер. Потом отвёл глаза.

— Работает...

— Тогда не мешайте.

Марина взяла тёплый мешочек с камнями, завернула его ещё в слой ткани и положила к стопам Айсвальда. Потом другой — к ладоням, но не касаясь голой кожи.

Герцог дёрнулся, словно от боли.

— Тихе, — шепнула Марина. — Это тепло. Оно не кусается.

— Оно... — он выдохнул и закрыл глаза. — Оно чужое.

Марина замерла на секунду, потом ровно сказала:

— Сейчас всё будет чужим. И я — тоже. Но это лучше, чем холод.

Грейм стоял у двери, наблюдая. Лицо его оставалось спокойным, но взгляд был слишком внимательным.

— Вы уверены, что знаете, что делаете? — спросил он.

Марина устало усмехнулась.

— Если бы я не знала, я бы уже убежала от этого цирка. — Она кивнула на Айсвальда.
— Мне нужно узнать: как давно у него такие приступы?

— Давно, — сухо сказал Вейрен.

— Сколько — «давно»? Неделя? Месяц? Год?

Вейрен открыл рот.

— Это не твоё...

— Моё, — резко сказал Торн. — Отвечай. — И в его тоне впервые прозвучало: он тоже устал от тайн.

Вейрен сжал губы.

— С прошлого зимнего солнцестояния. — Он сказал это так, будто выплюнул.

Марина кивнула.

— Частота?

— Сначала — раз в месяц. Потом — чаще. Сейчас — раз в неделю.

Марина почувствовала, как у неё внутри холодеет уже по-другому: не от магии, а от понимания.

— Прогрессирует. — Она посмотрела на Грейма. — И вы называете это «справляется»?

Грейм не отвёл взгляда.

— У герцога много обязанностей.

— У труппа обязанностей меньше, — сказала Марина. — Вы этого хотите?

В кабинете повисла тишина. Только дыхание Айсвальда — редкое, рваное — и потрескивание кристаллов.

— Что тебе нужно? — наконец спросил Грейм.

Марина вдохнула.

— Место. Сухое. Чистое. Комната, где можно держать лекарства и ткани отдельно. И правило: кипятить воду перед любыми перевязками и настоями для больных. И... — она повернулась к Вейрену, — запрет на трогание пациентов грязными руками.

Вейрен вспыхнул.

— Ты думаешь, я грязный?

— Я думаю, что вы человек. — Марина посмотрела ему прямо в глаза. — А человек всегда носит на руках то, что убивает слабых. Хотите спорить — идите лечить словами. Хотите спасти — слушайте.

Айсвальд вдруг резко вдохнул. Пальцы в перчатках сжались. Иней вокруг его плеч пополз вверх, как живое.

— Он снова... — прошептал Торн.

Марина наклонилась к лицу герцога.

— Айсвальд! Слушайте! Считайте со мной. Раз. Два.

Герцог открыл глаза — и посмотрел на неё так, будто видел впервые. В этом взгляде было раздражение... и странное, почти неприличное внимание.

— Кто... ты... — выдохнул он.

— Служанка, — сказала Марина и неожиданно для себя добавила тише: — Которая не умеет смотреть, как люди умирают.

Герцог моргнул. И... холод отступил на вдох. Белая пелена, которая всё ещё дрожала где-то в коридорах, будто осела.

— Дышит, — выдохнул Торн.

Марина выпрямилась, чувствуя, как у неё дрожат руки — не от холода, а от адреналина.

— Теперь — не трогать его лишний раз. — Она посмотрела на Грейма. — Я хочу увидеть лекаря. Его запасы. Его записи. И я хочу поговорить с кухней. Мне нужно организовать... порядок.

Вейрен усмехнулся, но смех получился натянутый.

— Порядок? Служанка устроит порядок в доме герцога?

Марина повернулась к нему медленно.

— Я устрою порядок там, где вы устроили прогрессирующую болезнь и страх. — Она кивнула на Айсвальда. — Хотите быть полезным — покажите мне, что вы делали. Хотите быть врагом — продолжайте язвить.

Вейрен сжал губы.

— Пойдём, — сказал он резко. — Покажу. Но потом не говори, что я тебя не предупреждал.

Марина бросила взгляд на герцога. Он лежал тише, глаза закрыты. Но пальцы на мгновение дрогнули — словно он чувствовал её уход.

— Торн, оставайтесь. — Она кивнула капитану. — Если начнёт снова — зовите. Не ждите.

— А ты? — спросил Торн.

— Я? — Марина коротко усмехнулась. — Я пойду искать, почему ваш «ледяной дракон» рушится на колени посреди собственного дома.

Аптечная кладовая Вейрена была одновременно богатой и ужасной. На полках стояли банки с травами, кореньями, порошками. Запах был густой — горечь, дым, хвоя, железо. И при этом... Марина сразу увидела проблему: банки без подписей, тканевые мешочки рядом с открытыми чашами, плесень на одном углу стеллажа.

— Это... — она замолчала, чтобы не сорваться.

— Что? — Вейрен скрестил руки. — Не похоже на твои «операционные»?

— Не похоже на здравый смысл, — сказала Марина. — Вот это что?

Она ткнула пальцем в сероватый порошок в открытой чаше.

— Соль льда, — ответил Вейрен. — Усиливает холод. Успокаивает кровь герцога.

— Усиливает холод? — Марина резко подняла на него взгляд. — Вы лечите «ледяную лихорадку»... усилением холода?

Вейрен вспыхнул.

— Ты ничего не понимаешь! Его кровь — огонь, который превратили в лёд. Если дать тепла — он взорвётся. Если дать холода — он держится.

— Он держится? — Марина наклонилась к чаше, понюхала. Запах был не просто холодный. Он был резкий, химический. — Он падает на колени. Вы это видели?

— Это... — Вейрен сжал челюсть. — Это плата.

Марина шагнула ближе.

— Плата за что?

Вейрен молчал. Слишком долго.

Марина медленно обвела глазами полки. Под одной банкой — следы белого налёта, будто кто-то сыпал порошок и не убрал. Под другой — кусочек ткани, прилипший к дереву.

Она вытащила ткань двумя пальцами. На ней был тонкий узор — как от ожога, только белый. И запах... тот самый, что она чувствовала в кабинете, когда иней рвался наружу.

— Это что? — спросила Марина тихо.

Вейрен дёрнулся.

— Отдай.

— Что это?

— Это не твоё дело.

— Моё, — сказала Марина. — Потому что если вы сыпете это ему... вы его убиваете.

Вейрен шагнул к ней.

— Ты обвиняешь меня?

— Я спрашиваю, — сказала Марина и подняла ткань выше. — Почему здесь следы, как после выброса? Почему у вас плесень? Почему банки не подписаны? Почему всё смешано?

— Потому что я работаю один! — вспыхнул Вейрен. — Потому что никто не помогает! Потому что герцог не доверяет никому!

— А теперь он лежит, — спокойно сказала Марина. — И ему доверяет только холод. Поздравляю.

Вейрен резко отвернулся.

— Ты ничего не понимаешь. — Он говорил уже тише. — Здесь... не только болезнь. Здесь... договор. Печать. Кровь.

Марина почувствовала, как у неё внутри встаёт холодная догадка.

— Проклятие, — сказала она.

Вейрен резко посмотрел на неё.

— Ты даже слово это произнести не должна.

— А вы должны перестать делать вид, что слово — страшнее смерти.

Вейрен стиснул губы.

— Тебя привела метель. Значит, метель и унесёт. — Он шагнул к двери. — Я предупреждал.

Марина бросила взгляд на полки.

— Тогда почему вы не выгоните меня прямо сейчас?

Вейрен задержался.

— Потому что герцог... — он не договорил.

— Потому что герцог позволил, — закончила Марина. — И вам это не нравится.

Вейрен молчал. Потом резко сказал:

— Иди на кухню. Устрой свои «кипячения». Но к герцогу — не лезь.

Марина усмехнулась.

— Поздно.

Кухня встретила её шумом, которого не было вчера. Люди переговаривались, шептались. В воздухе висела тревога — как пар над горячей водой. Повар, тот самый «медведь», рубил корнеплоды так, будто мстил им за что-то.

— А, докторша, — буркнул он, не поднимая глаз. — Жива.

— Пока да, — сказала Марина. — Где у вас котлы?

— В закрытой печи. — Он кивнул подбородком. — Воду греем на камнях. Что тебе?

Марина оглядела столы. На одном — грязные ножи. На другом — тряпки, которыми вытирали всё подряд.

— Мне нужно, чтобы вы разделили тряпки, — сказала она.

Повар наконец поднял глаза.

— Чего?

— Одно — для посуды. Одно — для пола. Одно — для рук. — Марина взяла одну тряпку, понюхала. — И эту — выкиньте. Здесь плесень.

— Плесень? — повар фыркнул. — Мы не в столице. Тут холод сам всё...

— Холод ничего не стерилизует, — перебила Марина. — Холод консервирует. Вы храните заразу, а потом кормите ею людей.

В кухне стало тише.

— Ты... — повар прищурился. — Ты что, правда врач?

— Да. — Марина кивнула на котёл. — Вода кипит?

— Иногда. Когда нужно.

— Теперь — всегда. Для больных. Для перевязок. Для настоев. — Марина посмотрела на Лин, которая стояла у дверей, бледная, но слушала жадно. — Лин, где у вас чистые простыни?

— В... в кладовой Агаты, — быстро сказала Лин.

— Принеси две. И — нитки. И иголку.

Лин моргнула.

— Зачем?

— Будем делать повязки. — Марина повернулась к повару. — И мне нужен отдельный стол. Только для чистого.

— Ты не хозяйка здесь, — буркнул повар, но в голосе уже было меньше уверенности.

— Я не хозяйка, — согласилась Марина. — Я — та, кто не хочет, чтобы ваш герцог умер. А если он умрёт — вас всех разорвут. Так что... — она посмотрела прямо, — хотите жить — помогайте.

Повар помолчал. Потом, скрипнув зубами, толкнул локтем соседний стол.

— Вон. Забирай. Только если мои люди будут без еды из-за твоих порядков — я тебя сам выкину в снег.

— Договорились, — сказала Марина.

— Марина! — раздался крик. Служанка вбежала в кухню, лицо белое. — Беда!

Марина резко повернулась.

— Что?

— Пекарский мальчишка... — служанка запнулась, — он камень схватил голыми руками! Горячий! Он... он кожу содрал!

Марина уже шла.

— Где?

— В кладовой!

Кладовая была тесная и тёмная. Мальчишка сидел на полу, прижимая к груди руку. Пальцы были красные, кожа на ладони пузырями — ожог второй степени, минимум.

— Не трогай! — рыдала другая служанка, пытаясь оторвать его руку от ткани. — Мы... мы мазью...

— Стоп! — Марина присела рядом. — Никто ничего не мажет. Слышите? Никто.

Служанки замерли.

— Ты как зовёшься? — спросила Марина мальчишку.

— Ф-фин... — выдавил он.

— Фин, смотри на меня. Больно?

— Очень...

— Знаю. — Марина сняла с себя плащ, завернула руку мальчишки в чистый край ткани, чтобы не касаться пузырей. — Вода. Холодная. Чистая. Быстро.

— Холодная? — ахнула служанка. — Но у нас же холод...

— Не ледяная, — резко сказала Марина. — Не снегом! Обычная холодная вода. И не мазь! Где кипячёная?

— На кухне... — прошептали.

— Тогда бегом.

Через минуту принесли два кувшина: один с прохладной водой, второй — тёплый, кипячёный.

Марина осторожно охладила ожог — коротко, чтобы снять тепло, потом промокнула чистой тканью.

— Слушайте, — сказала она всем, кто столпился. — Если вы мазью закроете пузырь грязными руками, вы получите инфекцию. А инфекция здесь лечится чем? — Она посмотрела на них. — Молитвой?

Служанки молчали.

— Вот и хорошо. — Марина взяла тёплую кипячёную воду, промыла края ожога. — Лин! Нитки! Иголку!

Лин влетела с дрожащими руками.

— Вот...

Марина быстро сшила из двух слоёв ткани подобие стерильной салфетки, смочила её «Белой слезой» по краям — осторожно, не на пузырь — и наложила повязку.

Фин всхлипнул.

— Дыши, — сказала Марина мягко. — Вдох — выдох. Ты молодец. Не кричи — это хуже.

— Вы... — служанка рядом смотрела на неё круглыми глазами. — Вы правда умеете.

Марина подняла взгляд.

— Я умею, потому что это моя работа. — Она закрепила повязку. — Фин, ты больше не трогаешь камни без ткани. Понял?

— Понял... — шепнул он.

— А вы, — Марина посмотрела на всех, — запомните: чистые руки. Чистая ткань. Кипячёная вода. Это не каприз. Это жизнь.

Служанки переглянулись. В их взглядах было то, что Марина знала: первый раз они увидели, что кто-то может не бояться и не молиться, а делать.

— Герцог... — прошептала Лин, будто боялась произнести имя. — Он... он будет жить?

Марина на секунду замерла.

— Если мне не будут мешать — будет, — сказала она. — А теперь ведите меня обратно. Мне нужно проверить его.

У кабинета стоял Торн. Он выглядел так, будто за эти полчаса постарел.

— Он очнулся, — сказал он сразу. — Ненадолго. Спросил... кто ты. Потом снова...

Марина кивнула и вошла.

Айсвальд лежал уже не на кушетке — его перенесли на широкое кресло у кристалла, который светился ярче остальных. Лицо было чуть менее белым, но взгляд, когда он открыл глаза, был таким же ледяным.

— Ты... — произнёс он, будто пробуя слово, — опять.

— Опять, — спокойно сказала Марина. — Я проверю.

— Не... — он попытался поднять руку.

Марина поймала его запястье — и тут же ощутила то самое: холод вцепился в кожу, как зубы. Но теперь это было не просто холодно. Это было... как прикосновение к живой проводке.

Она резко отпустила — слишком резко — и герцог заметил.

— Больно? — спросил он.

Марина удивлённо моргнула. В его голосе не было привычной жестокости. Там было... любопытство.

— Неприятно, — ответила она.

— Ты должна была уйти, — сказал он. — Когда я приказал.

— Я видела, как вы падали, — сказала Марина. — Приказы заканчиваются там, где начинается смерть.

— В моём доме приказы не заканчиваются, — тихо сказал Айсвальд.

Марина подняла подбородок.

— Тогда ваш дом скоро останется без хозяина.

Тишина в кабинете стала густой. Торн напрягся, словно готовился прикрыть её собой.

Айсвальд смотрел на Марину долго. Потом медленно сказал:

— Ты не боишься.

— Боюсь, — честно сказала Марина. — Но я работаю несмотря на страх.

— Доктор, — произнёс он, и это слово прозвучало почти как клеймо. — Из метели. В халате. И с языком, как нож.

Марина не удержалась:

— Ножи у меня забрали.

Уголок его губ дрогнул — почти улыбка, почти нет.

— Верну, если заслужишь, — сказал он.

— Мне не нужен нож, — сказала Марина. — Мне нужна возможность сделать так, чтобы вы не падали на каменный пол.

— Ты хочешь командовать? — в голосе снова проступил холод.

— Я хочу лечить, — сказала Марина. — Это разное.

Айсвальд прищурился.

— Лечи. Но запомни: ты — служанка. Один шаг лишний — и я выкину тебя обратно в метель.

— Принято, — сказала Марина.

Он посмотрел на её руки, на запястья, будто что-то искал. Марина вдруг вспомнила жжение — то, что пронзило её в холле.

Она машинально натянула рукав рубахи ниже.

Айсвальд заметил.

— Что у тебя? — спросил он тихо.

— Ничего, — слишком быстро сказала Марина.

Глаза герцога стали прозрачнее, опаснее.

— Ложь, — сказал он.

Марина почувствовала, как у неё под рукавом снова стянуло кожу — тонкой ледяной нитью.

— Я... — она сглотнула. — Я потом посмотрю. Сейчас — вам нужен покой. И... — она повернулась к Грейму, который стоял в тени у стены, — мне нужна комната под лекарства. И правило для всего дома: кипятить воду. И отдельные ткани. И запрет на открытые раны без обработки.

Грейм кивнул — слишком спокойно.

— Я распоряжусь.

Вейрен, стоявший у двери, бросил на Марину взгляд, полный ненависти.

— Она слишком много берёт на себя, милорд, — сказал он.

Айсвальд не посмотрел на него.

— Она берёт то, что вы не удержали, — сказал герцог спокойно. — И если она спасла мне жизнь... — он сделал паузу, и в этой паузе было что-то, от чего у Марины сжалось внутри, — ...то это уже не «слишком».

Марина почувствовала, как её лицо обожгло не холодом — жаром. Она заставила себя не смотреть на него слишком долго.

— Я пойду, — сказала она. — Нужно перевязать ожог мальчишке. И организовать...

— Ты не уйдёшь из дома, — резко сказал Айсвальд.

Марина замерла.

— Я и не собиралась.

— Я не о дворе, — сказал он. — Я о доме. Ты не ходишь ночью. Неходишь в запретные двери. Не берёшь кристаллы. И... — его взгляд снова зацепился за её рукав, — показываешь мне то, что прячешь.

— Зачем? — спросила Марина, чувствуя, как внутри поднимается упрямство.

Айсвальд наклонил голову.

— Потому что всё, что касается моего холода... касается меня.

Марина выдохнула.

— Хорошо. Потом.

— Сейчас, — сказал он, и голос был уже не слабый.

Марина почувствовала, как на неё смотрят все — Торн, Грейм, Вейрен. И в этом взгляде Вейрена было торжество: «Ну давай, покажи. Попалась».

Марина медленно подняла рукав.

На запястье, там, где её «клеймили» льдом, проступал тонкий узор — словно ледяная ветвь обвила кожу браслетом. Он был не белый — он был серебристо-голубой, как свет кристаллов.

Лин, которая заглянула в кабинет, ахнула и тут же зажала рот.

— Метка... — прошептала она.

Торн побледнел.

Вейрен сделал шаг вперёд, глаза расширились.

— Нет, — выдохнул он. — Не может быть.

Айсвальд смотрел на узор долго. Потом поднял взгляд на Марину.

— Ты прикоснулась ко мне, — сказал он тихо. Это звучало не как обвинение — как факт, который меняет всё.

Марина сглотнула.

— Я спасала вас.

— И теперь ты в моём холоде, — сказал герцог.

Ледяная ветвь на её коже дрогнула — и Марина почувствовала это так ясно, будто кто-то провёл пальцем по внутренней стороне запястья.

Она вздрогнула.

Айсвальд чуть прищурился, словно уловил это.

— Она реагирует, — прошептал Вейрен, и в его голосе был ужас. — Милорд, это... это...

— Молчать, — сказал Айсвальд, не отрывая взгляда от Марины.

Марина попыталась вырвать руку обратно, спрятать, но в тот же миг метка вспыхнула холодом — и где-то в глубине дома, будто в ответ, раздался протяжный скрежет, как если бы по камню провели льдом.

Дверь в дальнем коридоре — та самая, о которой говорили шёпотом — едва слышно щёлкнула, словно кто-то внутри повернул замок.

Марина подняла глаза — и поняла: это не просто след. Это приглашение. Или ловушка.

И холод в её запястье... будто улыбнулся.

Глава 3. «Тайная комната и холодные стены»

Щёлк — прозвучало так тихо, что поначалу Марина решила: ей показалось. Просто дом старый, дерево где-то повело от холода, замок вздохнул... Но метка на запястье вспыхнула ровно в тот миг — как будто кто-то изнутри приложил к коже ледяной палец.

И вслед за этим — протяжный скрежет в глубине коридора, словно по камню медленно провели льдом.

— Нет... — выдохнул Вейрен, и это «нет» было не про Марину. Оно было про страх. — Милорд, это... это невозможно.

Айсвальд не шевельнулся сразу. Он просто смотрел на Марину и на ветвь льда у неё на руке, будто на доказательство преступления. Потом перевёл взгляд туда, где в дальнем коридоре, между колоннами, чернела дверь — ровная, слишком новая для этого поместья, будто её поставили не для входа, а для запрета.

— Торн, — сказал герцог спокойно. От этого спокойствия по спине прошёл холод. — Открой глаза. Посмотри, что ты привёз.

Торн стоял как камень. Потом резко выдохнул и сделал шаг.

— Милорд, если это дверь... та самая...

— Я знаю, какая это дверь, — перебил Айсвальд. И в его голосе впервые за весь вечер проступило не просто раздражение — усталое, тяжёлое раздражение человека, который слишком долго держал крышку на кипящем котле. — Вейрен, назад.

Вейрен дёрнулся, будто хотел спорить, но взгляд герцога пригвоздил его к месту.

— Она ключ, — вырвалось у лекаря, уже не сдержанно, а болезненно. — Это печать! Милорд, я предупреждал... Я говорил, что чужие...

— Ты говорил много, — тихо сказал Айсвальд. — А лечил — хуже.

Марина почувствовала, как внутри поднялось что-то острое: «Он... защищает меня?» И тут же — другой голос: «Он защищает не тебя. Он защищает свой дом. И контроль».

Дверь в дальнем коридоре снова едва слышно щёлкнула. Как будто кто-то внутри проверил замок. Как будто замок... отвечал.

— Я не ключ, — сказала Марина хрипло. — Я вообще не понимаю, что происходит.

— Понимать не обязательно, — отрезала Агата. Она стояла чуть позади, руки сцеплены, лицо белое. — Обязательно — не лезть.

— Я и не...

— Ты уже влезла, — резко бросил Вейрен. — Метка — это не «случайно». Это связь. Это...

— Это то, что появилось, когда я удерживала вашего герцога, чтобы он не разбился, — перебила Марина, и голос её сорвался на злость. — Хотите — предъявляйте претензии дому за то, что он пытается убить хозяина, а не мне за то, что я его подхватила!

Торн вскинул голову, будто не ожидал от неё такого. Лин у двери вцепилась пальцами в косяк.

Айсвальд медленно спустился с места, где стоял, ближе. Его шаги были ровные. Слишком ровные для человека, который недавно валился на колени.

— Дай руку, — сказал он.

— Зачем?

— Дай. Руку.

Это было не просьба. Это было то самое «в моём доме приказы не заканчиваются».

Марина подняла руку — не чтобы подчиниться, а чтобы не дать никому увидеть, как у неё дрожат пальцы.

Айсвальд взял её запястье. Перчатка была холодной, но не такой, как его магия. Это был другой холод — контролируемый, сдержанный. И всё равно метка откликнулась: ветвь на коже будто шевельнулась, сжалась в кольцо. Марина едва не дёрнулась.

— Не дергайся, — произнёс герцог тихо.

— Мне больно, — не выдержала она.

— Тебе неприятно, — поправил он, как будто слова имели значение.

— Вы знаете разницу?

Его взгляд на секунду задержался на её лице. Впервые — не как на функцию. Как на человека, который не прогибается.

— Я знаю, когда боль — слабость, а когда боль — сигнал, — сказал он. — Это сигнал.

Он повернул её руку так, чтобы свет кристалла попал на узор. Ветвь льда сияла серебром.

— Это печать, — прошептал Вейрен. — Она реагирует на кровь дракона. На... на холод.

— На ваш приступ, — резко сказала Марина. — На его организм в кризисе. Любая система реагирует, когда её шатают.

Агата резко втянула воздух.

— Она сравнивает печать с... системой, — прошипела она.

— Тише, — сказал Грейм, и это «тише» прозвучало так, будто он держал на поводке весь дом.

Айсвальд отпустил Марину и повернулся к коридору.

— Торн. Дверь. Сейчас.

Торн сделал ещё шаг — и остановился, как будто холод под ногами стал гуще.

— Милорд... там...

— Там то, что я запечатал, — спокойно сказал Айсвальд. — И то, что не должно было шевелиться.

Дверь снова щёлкнула. И на этот раз — чуть громче. Словно замок не просто отвечал, а... приглашал.

Марина почувствовала, как у неё внутри сжимается всё. Не страх — любопытство. То самое, которое всегда убивало осторожность.

— Не смотри туда, — сказал Айсвальд, даже не глядя на неё.

— Я ничего не...

— Я сказал: не смотри.

Она подняла на него глаза.

— Почему?

Он медленно повернулся. И в ледяных глазах блеснуло раздражение, смешанное с чем-то гораздо хуже — тревогой.

— Потому что то, что там, — найдёт тебя, — сказал он. — И потому что ты уже отмечена.

Марина хотела спросить «кем?», но в этот момент в коридоре послышался ещё один звук — мягкий, почти человеческий. Как будто кто-то очень осторожно провёл ладонью по камню.

Лин тихо всхлипнула.

— Милорд, — прошептала она, — это... опять?

Айсвальд резко поднял руку.

— Все — вон. Агата, уведи людей. Грейм — закрой внутренние двери. Вейрен — в свои травы и молчи. Торн — со мной.

— А она? — Вейрен ткнул пальцем в Марину. — Она причина!

Марина почувствовала, как кровь ударила в лицо.

— Я не причина, — сказала она. — Я...

— Она останется, — отрезал Айсвальд. И впервые это прозвучало именно как защита. — И если ты ещё раз поднимешь на неё голос в моём присутствии, Вейрен... я вспомню, что в этом доме можно менять не только служанок.

Вейрен побледнел так, будто ему уже вынесли приговор.

— Милорд...

— Вон.

Торн пошёл к коридору, рука на рукояти меча. Айсвальд двинулся за ним — и на секунду, проходя мимо, задержался рядом с Мариной.

— Ты никуда не идёшь, — сказал он тихо, почти в ухо. — Если услышу шаги ночью — запрю в каморке. Поняла?

— Я не ребёнок, — прошипела Марина.

— Ты — чужая, — ответил он. — И уже слишком близко.

Он ушёл. И воздух, который он оставил, был холоднее, чем прежде.

Марина стояла, чувствуя, как метка под рукавом пульсирует ледяной болью — будто ей напоминали: «Ты теперь часть этого».

Утро в поместье наступало не светом — серой тишиной. Снег за окнами лежал ровно, как простыня в морге. Дом будто делал вид, что ночью ничего не было.

Марина делала вид вместе с ним — пока могла.

Ей выделили маленькую кладовую рядом с кухней под «лекарское». Грейм сказал это так, будто даёт ей ложку, а не право на жизнь.

— Комната сухая, — сказал мажордом. — Дверь закрывается. Кристалл в нише — не трогать. Агата недовольна. Вейрен зол. Следовательно... вы на верном пути.

— У вас странное чувство юмора, — буркнула Марина.

— У меня чувство выживания, — спокойно ответил Грейм. — Не перепутайте.

Она завела туда Лин, Финна с перебинтованной рукой и ещё двух служанок — тех, кто слушал на кухне и не кривился.

— Так, — сказала Марина, ставя на стол кувшин с кипячёной водой. — Первое: руки. Мыть. Всегда. Даже если вы думаете, что они чистые.

— Мы не грязные! — вспыхнула одна.

— Вы живые, — сказала Марина. — Значит, грязные. Это не оскорбление. Это биология.

Лин робко подняла руку.

— А если воды жалко?

— Тогда вам будет жалко людей, — отрезала Марина. — Вода дешевле трупа. Запомнили?

Фин сидел на табуретке, глядя на Марину как на чудо.

— Больно? — спросила она.

— Чуть-чуть, — прошептал он. — Но я держусь.

— Молодец. — Она осторожно сняла повязку. Края ожога были чистые, пузырь не лопнул — хорошо. Но вокруг уже проступала краснота.

— Вот это плохо, — тихо сказала Марина. — Воспаление.

— Это от того, что он слабый, — прошипела служанка.

— Это от того, что вы вчера хотели мазью закрыть ему рану, — отрезала Марина. — Вчера вы чуть не сделали ему хуже. Сегодня вы будете делать правильно.

Она достала из мешочка травы — те, что успела выпросить у Вейрена. Половина была без подписи, как и вчера.

— Мне нужна травяная кладовая с подписью, — сказала Марина громко, чтобы слышали все. — И список того, что в доме есть. И где это лежит. Потому что иначе вы будете лечить «на авось», а «на авось» умирают.

— Лекарь Вейрен знает, — буркнула служанка.

— Он знает, — кивнула Марина. — Но он не делится. А герцог падает на колени. Значит, знание без дела — пустое.

Лин проглотила нервный смешок.

— А вы... вы правда думаете, что сможете... помочь герцогу?

Марина на секунду замерла, вспомнив холодный взгляд Айсвальда и щелчки запретной двери.

— Я думаю, что если не попробую, он умрёт, — сказала она. — И тогда умрёте вы.

Служанки переглянулись.

— Хорошо, — сказала та, что была резче. — Что делать?

— Сейчас — перевязка. Потом — кипячение воды по расписанию. И отдельные тряпки.

И ещё...

Дверь в комнату распахнулась, и в проёме появился Вейрен. Лицо его было каменным.

— Ты превратила кладовую в балаган, — сказал он.

Марина не подняла головы, продолжая работать.

— Я превратила кладовую в место, где не заражают людей.

— Ты служанка, — выплюнул Вейрен. — Не лекарь.

— А вы — лекарь, — подняла на него глаза Марина. — И что? Герцогу лучше?

Вейрен дёрнулся.

— Ты осторожнее со словами.

— Слова — не яд, — сказала Марина. — Яд — это ваш беспорядок.

— Ты... — он шагнул ближе, и Марина увидела в его глазах не просто злость. Ненависть.

И страх. — Ты думаешь, что метка делает тебя важной?

— Метка делает меня мишенью, — спокойно сказала Марина. — И вы это знаете.

Вейрен на секунду замер. Потом резко развернулся.

— Я пришёл предупредить. — Голос стал тише. Опаснее. — Не ходи в западное крыло.

Марина внутренне напряглась.

— Я и не собиралась.

— Не лги, — прошипел Вейрен. — Дом уже шевелится. Это не ты... но через тебя. И если герцог сорвётся...

— Вы снова пугаете, потому что иначе вы не умеете разговаривать? — Марина закончила перевязку Финну и кивнула ему: — Иди. И руку выше.

Фин послушно ушёл, оглядываясь.

Вейрен посмотрел ему вслед.

— Детей ты тоже собираешься спасать? — спросил он с усмешкой.

— Я собираюсь спасать всех, кто не хочет умереть, — сказала Марина. — А теперь выйдите. Вы мешаете.

— Я мешаю? — Вейрен шагнул ближе.

Лин вздрогнула и вцепилась в край стола.

— Да, — твёрдо сказала Марина. — Вы мешаете мне делать работу.

Вейрен наклонился так близко, что Марина почувствовала запах его трав — и холодный металлический оттенок.

— Тогда запомни, докторша: в этом доме случайности любят тех, кто слишком смел. — Он выпрямился. — И у случайностей длинные руки.

Он ушёл, хлопнув дверью.

Марина смотрела на дверь пару секунд. Потом резко вдохнула и сказала:

— Лин. Мне нужны травы. Настоящие, не этот мусор.

— Где их взять? — прошептала Лин.

— В огороде. В теплице. У вас есть теплица?

Лин сглотнула.

— Есть... но туда... туда редко ходят. Там... магия.

— Отлично, — сказала Марина. — Тогда пойдём туда. Днём. Не ночью. Чтобы никто не мог сказать, что я «шастаю».

Лин нервно улынулась.

— А если госпожа Агата...

— Скажем, что Финну нужен компресс, — отрезала Марина. — И если она против — пусть сама держит мальчишку, когда ему руку разнесёт.

Теплица оказалась не стеклянным домиком, как Марина ожидала, а низким каменным павильоном с прозрачными вставками, похожими на ледяные окна. Внутри было... странно. Воздух был влажный, чуть тёплый, но это тепло не грело кожу — оно будто грело растения.

По стенам тянулись кристаллы, тонкие, как жилы, и от них исходил свет — мягкий, зелёный.

— Ого... — выдохнула Марина.

— Не трогайте, — торопливо сказала Лин. — Здесь всё... живое.

— Вижу, — прошептала Марина.

У входа их встретил старик с седой бородой. Лицо — красное от тепла и влажности.

— Лин? — проворчал он. — Кто это с тобой?

— Это... Марина. Доктор. — Лин сказала это слово так, будто оно давало Марине право на воздух.

Старик прищурился.

— Доктор в доме герцога? — Он хмыкнул. — Ну-ну. Меня зовут Роан. Я здесь смотрю за травами. А ты за чем?

— За тем, чтобы травы были травами, а не плесенью, — сказала Марина прямо. — Мне нужны растения для ожога и для воспаления. И... возможно... для приступов герцога.

Роан резко перестал хмыкать.

— Для его... — он посмотрел на Лин, потом на Марину. — Ты смелая.

— Я практичная, — повторила Марина свою любимую фразу, потому что она была единственным щитом.

Роан медленно кивнул.

— Ладно. Смотри. Но не ломай. Тут всё дорого.

Он повёл их между грядками. Марина увидела знакомые формы — мята, шалфей, что-то похожее на ромашку... и совсем незнакомое: листья, покрытые инеем, но живые; стебли, которые светились изнутри красноватым.

— Это что? — спросила Марина.

— Огненный корень, — буркнул Роан. — Только не думай, что он горит. Он просто держит тепло. Его герцог не любит. Но иногда без него — никак.

— Почему не любит? — Марина подняла бровь.

Роан посмотрел на неё так, будто она спросила: «Почему снег белый?»

— Потому что он — холод. — Старик сказал это тихо. — А огонь — его враг.

Марина молча кивнула, запоминая.

— Мне нужны листья для компресса, — сказала она. — И что-то против воспаления. И... если есть... то, что снимает спазм.

Роан хмыкнул, но уже не насмешливо.

— Есть ледяная мята. Она не согреет, но успокоит. И есть белый спорыш — он вытягивает гниль. Только осторожно. В больших дозах — яд.

Марина замерла.

— Яд?

Роан пожал плечами.

— Тут всё яд. Вопрос — сколько.

Марина ощутила, как у неё внутри что-то щёлкнуло — не дверь, а мысль.

— Белый спорыш... — повторила она. — Он горький?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.